УДК: -
МРНТИ: -

МОГУНОВА М.В.[1], КАЗИЕВ С.Ш.[2], АУБАКИРОВА Г.Р.[3]

[1] доктор PhD, старший преподаватель кафедры «История Казахстана и право» НАО «Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева» (Петропавловск, Республика Казахстан) ORCID: 0000-0001-9341-0102.

[2] доктор исторических наук (РФ), доктор PhD, старший преподаватель кафедры «История Казахстана и право» НАО «Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева» (Петропавловск, Республика Казахстан) ORCID: 0000-0002-1613-1211.

[3] докторант кафедры «История Казахстана» НАО «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева» (Астана, Республика Казахстан) ORCID: 0000-0001-6947-4050.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РОЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О БАТЫРАХ В ПОДДЕРЖАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХОВ В СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Аннотация. Введение. Историческая память народа является устойчивым и мощным ресурсом воспроизводства начальной этнической идентичности. Чувство казахскости (казакшилик) в среде северных казахов в значительной степени формировалось под влиянием легенд о деяниях прославленных предков – ханов, биев, батыров и жырау. Конструирование и поддержание казахской идентичности предполагало знание об исторических предках, даже в случае их реального иноэтнического происхождения. Относительная устойчивость этнических границ между кочевыми народами обеспечивалась этнорелигиозными маркерами. Целью исследования было выбрано влияние местных культов воинов прошлого на воспроизводство исторической памяти, являющейся основой этнической самоидентификации и локальной самопрезентации казахов. Хронологические рамки исследования ограничены XVIII вв. – «героической» эпохи в этнической истории казахов, пытавшихся сохранить свою свободу и родные земли. Материалы и методы. Авторами настоящей статьи в процессе изучения культа батыров был привлечен широкий круг источников и научной литературы. Из источников особо следует отметить опубликованные сборники доку¬ментов и материалов, посвященные отношениям казахов с Российской империей и с государствами и народами Средней Азии. Методологической основой исследования является историко-антропологический подход, предполагающий изучение образов мира и моделей поведения людей кочевого социума. Изучение «культуры ментальностей» казахского социума XVIII века невозможно также без применения историко-сравнительного анализа с другими кочевыми сообществами. Результаты. Батырство и батыры были неотъемлемой частью социальной и политической организации кочевых тюрко-монгольских народов в периоды их высшей милитаризации, когда каждый свободный кочевник являлся воином. Кочевая культура порождала определенный тип ментальности номада, основанный на культе мужественности и аутентичности этнического происхождения, верифицируемого через принадлежность к определенному роду. В условиях перманентной политической сегментации и войн батыры фактически возглавили вооруженный народ и компенсировали ослабление центральной ханской власти. В значительной степени скоординированная ведущими батырами консолидационная

стратегия способствовала закреплению казахов в северном крае и обеспечила доминирование этнических начал над религиозными и племенными идентичностями. Собственно идея общеэтнической солидарности казакшилик была «продуктом» казахской военной элиты.

***Ключевые слова**:* батыры, батырство, чингизиды, казахи, ислам, ойраты

МОГУНОВА М.В.[1], КАЗИЕВ С.Ш.[2], АУБАКИРОВА Г.Р.[3]

[1] доктор PhD, М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университетінің «Қазақстан тарихы және құқық» кафедрасының аға оқытушысы (Петропавл қ., Қазақстан Республикасы) ORCID: 0000-0001-9341-0102.

[2] Тарих ғылымдарының докторы (Ресей Федерациясы), доктор PhD, М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университетінің «Қазақстан тарихы және құқық» кафедрасының аға оқытушысы (Петропавл қ., Қазақстан Республикасы). ORCID: 0000-0002-1613-1211.

[3] Қазақстан тарихы кафедрасының докторанты Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан Республикасы) ORCID: 0000-0001-6947-4050.

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚТАРДЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ БІРЕГЕЙЛІГІН САҚТАУДАҒЫ БАТЫРЛАРҒА ҚАТЫСТЫ ТАРИХИ ЖАДТЫҢ РӨЛІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ АСПЕКТІСІ

Андатпа. Халықтың тарихи жады бастапқы этникалық сәйкестікті жаңғыртудың тұрақты және қуатты ресурсы болып табылады. Солтүстік қазақтар арасындағы қазақтық сезім (қазақшылық) көбінесе олардың атақты ата-бабаларының - хандардың, билердің, батырлардың және жыраулардың ерліктері туралы аңыздардың әсерінен қалыптасты. Қазақтың бірегейлігін қалыптастыру және сақтау тарихи ата-бабаларын, тіпті олардың нақты шетелдік этникалық шығу тегі жағдайында да білуді болжады. Көшпелі халықтар арасындағы этникалық шекаралардың салыстырмалы тұрақтылығы этнодіни белгілермен қамтамасыз етілді. Зерттеудің мақсаты өткендегі жергілікті жауынгерлік культтердің қазақтардың этникалық өзін-өзі тануы мен жергілікті өзін-өзі таныстыруының негізі болып табылатын тарихи жадты жаңғыртуға әсері болды. Зерттеудің хронологиялық шеңбері 18 ғасырмен - өз бостандығы мен туған жерлерін сақтауға тырысқан қазақтардың этникалық тарихындағы «батырлық» дәуірмен шектеледі. Материалдар мен әдістер. Бұл мақаланың авторлары батырлар культін зерттеу үрдісінде көптеген дереккөздер мен ғылыми әдебиеттерді пайдаланды. Қазақтардың Ресей империясымен және Орталық Азия мемлекеттерімен және халықтарымен қарым-қатынасына арналған жарияланған құжаттар мен материалдар жинақтарын ерекше атап өтуге болады. Зерттеудің әдіснамалық негізі көшпелі қоғамдағы адамдардың дүниетанымы мен мінез-құлық үлгілерін зерттеуді қамтитын тарихи-антропологиялық тәсіл болып табылады. 18 ғасырдағы қазақ қоғамының «менталитет мәдениетін» зерттеу басқа көшпелі қауымдастықтармен тарихи және салыстырмалы талдауды қолданбай мүмкін емес. Нәтижелер. Батырлар мен батырлар көшпелі түркі-моңғол халықтарының ең жоғары милитаризация кезеңінде, әрбір еркін көшпелі жауынгер болған кезде, олардың әлеуметтік-саяси ұйымының ажырамас бөлігі болды. Көшпелі мәдениет еркектікке табынушылыққа және белгілі бір руға тиесілілігі арқылы расталатын этникалық шығу тегінің шынайылығына негізделген көшпелі менталитеттің ерекше түрін тудырды. Тұрақты саяси сегменттеу мен соғыстар жағдайында батырлар қарулы халықты тиімді басқарды және орталық

хан билігінің әлсіреуін өтеді. Негізінен жетекші батырлар үйлестірген консолидация стратегиясы қазақтардың солтүстік аймақта орнығуына ықпал етті және этникалық топтардың діни және тайпалық ерекшеліктерден басым болуын қамтамасыз етті. Жалпыұлттық ынтымақтастық идеясы, яғни қазақшылық, қазақ әскери элитасының «жемісі» болды.

***Түйінді сөздер**:* батырлар, батырлық, Шыңғыс әулеті, қазақтар, ислам, ойраттар

MOGUNOVA M.V.[1], KAZIEV S.S.[2], AUBAKIROVA G.R.[3]

[1] PhD, Senior Lecturer at the Department of "History of Kazakhstan and Law," M. Kozybayev North Kazakhstan University (Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan) ORCID: 0000-0001-9341-0102.

[2] Doctor of Historical Sciences (Russian Federation), PhD, Senior Lecturer at the Department of "History of Kazakhstan and Law," M. Kozybayev North Kazakhstan University (Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan) ORCID: 0000-0002-1613-1211.

[3] Doctoral student at the Department of History of Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan) ORCID: 0000-0001-6947-4050.

THE SOCIOCULTURAL ASPECT OF THE ROLE OF HISTORICAL MEMORY REGARDING *BATYRS* IN SUSTAINING THE ETHNIC IDENTITY OF KAZAKHS IN THE NORTH KAZAKHSTAN REGION

***Annotation**.* The historical memory of the people is a sustainable and powerful resource for the reproduction of the initial ethnic identity. Northern Kazakhs formed the sense of Kazakhness (Kazakshilik) largely under the influence of legends about the deeds of glorified ancestors - khans, biys, batyrs andzhyrau. The construction and maintenance of Kazakh identity presupposed knowledge of historical ancestors, even with their real non-ethnic origin.Northern Kazakhs formed largely the sense of Kazakhness (Kazakshilik) under the influence of legends about the deeds of glorified ancestors - khans, biys, batyrs and zhyrau. The construction and maintenance of Kazakh identity presupposed knowledge of historical ancestors, even with their real non-ethnic origin.Ethnos-religious markers ensured the relative stability of ethnic boundaries between nomadic peoples. The purpose of the study is to influence local cults of warriors of the past on the reproduction of historical memory, which is the basis of ethnic self-identification and local self-presentation of Kazakhs. The chronological framework of the study is in the 18th century, the "heroic" era in the ethnic history of the Kazakhs, who tried to preserve their freedom and native lands.Materials and methods. The authors of this article, in the process of studying the cult of batyrs, attracted immense sources and scientific literature. Among the sources, it is worth highlighting the published collections of documents and materials devoted to the relations of Kazakhs with the Russian Empire and with the states and peoples of Central Asia.The methodological basis of the study is the historical-anthropological approach, which involves the study of world images and behavior patterns of people of nomadic society. The "culture of mentalities" research of the Kazakh society of the XVIII century is also impossible without referring to historical-comparative analysis with other nomadic communities.Results.Batyrism and batyrs were an integral part of the social and political organization of nomadic Turkic-Mongolian peoples during the periods of their highest militarization, when every free nomad was a warrior. Nomadic culture generated a certain type of nomadic mentality based on the cult of masculinity and authenticity of ethnic origin, verified through belonging to a certain clan.In the conditions of permanent political segmentation and wars, the batyrs actually led the armed people and compensated for the weakening of the central khan's authority. To a large extent, the consolidation strategy coordinated by the leading batyrs facilitated the consolidation of Kazakhs in the northern region

and ensured the dominance of ethnic origins over religious and tribal identities.Actually, the idea of all-ethnic solidarity of Kazakshiliks was a "product" of the Kazakh military elite.

***Keywords**:* batyrs, batyrism, Chingizids, Kazakhs, Islam, Oirats

Введение

Историческая память народа является устойчивым и мощным ресурсом воспроизводства начальной этнической идентичности Чувство казахскости (*казакшилик*) в среде северных казахов в значительной степени формировалась под влиянием легенд о деяниях прославленных предков - *ханов, биев, батыров* и *жырау*. Зачастую легендарные предки наделялись качествами и тех и других: так, батыр Кулсары считался святым и провидцем - *аулие*, батыра Кожабергена из рода *ашамайлы-керей* связывают с написанием песни «Елим ай». Вышеуказанные батыры также выполняли функции *биев* - племенных вождей и знатоков обычного права. Конструирование и поддержание казахской идентичности предполагало знание об исторических предках, даже в случае их реального ойратского или башкирского происхождения. В этой связи главной целью настоящего исследования было выбрано влияние исторической памяти о героях прошлого на воспроизводство исторической памяти, являющейся основой этнической самоидентификации и самопрезентации современных казахов, проживающих в Северо-Казахстанской области. В настоящей статье авторы исследовали роль батыров, проживавших на территории Северного Приишимья и их отношениях с ханом Абылаем. Значительное внимание обращено на социальную природу и роль батырства в этнической истории казахов.

Хронологические рамки включают события XVIII века - «героической» эпохи в этнической истории казахов, пытавшихся сохранить свою свободу и родные земли. Это также период окончательного упадка кочевых государств и включения тюркских и монгольских кочевников в состав могущественных Российской и Цинской империй. В исследовании также раскрывается использование культа батыров в современной политической практике и идеологии.

Материалы и методы

Авторами настоящей статьи в процессе изучения культа батыров был привлечен широкий круг источников и научной литературы. Из источников особо следует отметить опубликованные сборники документов и материалов, посвященные отношениям казахов с Российской и с государствами и народами Центральной Азии. Авторами широко использовались опубликованные материалы, такие как «Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках», «Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 гг.)», многотомной «История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков», «Русско-джунгарские отношения (конец XVII-60-е гг. XVIII

веков)», «Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII века)», двухтомной «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 годов» [КРО 1961; КРО 1964; ИКРИ 2005; РДО 2006; Султаны и батыры 2018; Эпистолярное наследие 2014]. Ценными источниками по истории и географии расселения казахских родов и племен в Приишимье и Прииртышье являются материалы «Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Петропавловский уезд. Т.3. Повторное исследование 1908 года» и «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд» (Киргизское хозяйство 1910: 31-34; МКЗ 1902: 23-26). Важные источники по истории китайско-казахских отношений введены Б. Еженханулы. Перевод циньских документов на казахский язык позволил исследователю верифицировать биографию батыра Кожаберген Жанибекулы и отсечь домыслы относительно его тождества с Кожаберген-жырау (Еженханұлы 2017). В качестве дополнительного источника авторы использовали поэзию Шал-акына (сын батыра Кулеке) и Умбетей-жырау, собранные и опубликованные в многотомных сборниках, посвященных культурному наследию казахского народа (Бабалар сөзі 2010; Бес ғасыр жырлайды 1989). Вместе с тем, казахские сказания об исторических героях, как и генеалогические предания *шежире*, могут содержать неточности и искажения информации. Это связано со спецификой передачи устных историй через цепь информантов или сказителей, когда их ненамеренные или намеренные ошибки могут накапливаться и создавать иную картину прошлого. В совокупности, анализ используемого круга источников дает релевантную картину истории батырства и раскрывает роль исторической памяти о батырах в воспроизводстве этнической идентичности казахов, проживающих в Северо-Казахстанской области.

Методологической основой настоящего исследования является историко-антропологический подход, предполагающий изучение образов мира и моделей поведения людей кочевого социума. Изучение «культуры ментальностей» казахского социума XVIII века невозможно также без применения историко-сравнительного анализа другими кочевыми сообществами.

Результаты

Факторы развития этнической и религиозной идентичности в среде северных казахов в XVIII веке

Локальная общность казахов формировалась в Северном Казахстане и Западной Сибири с конца XVI - начала XVIII веков в результате смешения местных и пришлых групп кочевников, принадлежавшим преимущественно к племенам *керей, уак, кипчак* и аргынским родам *атыгай, караул и канжигалы* (МКЗ 1902: 23-26;

Киргизское хозяйство 1910: 31-34). В Петропавловском уезде, по данным российских дореволюционных исследователей, в начале XX века лишь 117 аулов (8,6 % от общего числа) проживали более 300 лет, т.е. до начала утверждения имперской власти (Киргизское хозяйство 1910: 32). В качестве маркера длительности проживания они указывали появление зимних стойбищ (*кыстау*), наиболее раннее такое поселение в Полудинской волости появилось в начале XV века **-** времени существования в западносибирской и северо-казахстанской лесостепной зоне Государства кочевых узбеков, еще 15 аулов в Полудинской и Тайнчинской волостях появились в начале XVI века (Киргизское хозяйство 1910: 31-32). Основная часть казахских аульных общин, полагали российские статистики, прибыла и утвердилась в Пришимье и Прииртышье в начале XVIII века в результате степных войн с джунгарскими ойратами. В число этих групп были включены т.н. «окиргизившиеся пленные калмыки» (МКЗ 1902: 25, 28).

Если говорить о времени появления казахских родов и племен на территории края, то следует указать на их происхождение из среды джучидских татар. Тем не менее, такие племена Среднего жуза как кипчаки и кереи, поселились в регионе в X и XIII веках и входили позже в состав постордынских объединений ногайцев и кочевых узбеков (Востров, Муканов 1968: 58, 72). Родоплеменные объединения кипчаков, кереев - ашымайлы, уаков - онгутов и аргынов рода канжигалы мы видим в списке узбекских племен государства Шейбанидов (Султанов 1982: 27-33). Среди кочевых узбеков отсутствуют аргынские рода *атыгай* и *караул*, сыгравшие огромную роль в истории края. Более поздний приход этих родов подтверждается данными генеалогических преданий, согласно которым выдвижение атыгаев и караулов в Приишимье произошло на рубеже XVI-XVII веков, здесь они вступили в борьбу с башкирами (естеками) и северными ойратами.

Кочевая культура порождала определенный тип ментальности номада, основанный на культе мужественности и аутентичности этнического происхождения, верифицируемого через принадлежность к определенному линиджу. Казахская пословица гласит: «Не родись сыном, родись мужчиной». В значительной степени это облегчало инкорпорацию и ассимиляцию иноэтнических групп, близких по кочевому образу жизни и ментальности, включавшихся в состав казахов через признание их потомками какого-либо родового героя. В Северном Казахстане таковыми являлись северные ойраты, башкиры (естеки). В связи с этим приводим предание об адопции Жаухай-батыра из естеков легендарным Жапек-батыром внуком Кудайберды - батыра из рода *атыгай* и его женой Кежек-ана в середине XVIII века. Историю поведал историк Г. М. Тулепбергенов, потомок Жаухая в десятом поколении: «…когда род *атыгай* расширял кочевья вниз по р. Ишим,

навстречу появилось сорок вооруженных естеков во главе с Жаухаем. Было принято за лучшее «породниться». При стечении народа Кежек-ана, спрятав Жаухая за длинный подол, имитировала «роды». После было совершено жертвоприношение овцы, и Кежек-ана объявила материнское проклятие на того, кто помянет происхождение Жаухая из естеков» (Рыскильдин, Рыскильдина 2021: 102; Тулепбергенов 2014: 334). Род *кулан - кипчак* во главе с батыром Кошкарбаем в это же время включили в свой состав род естек (Рыскильдин, Рыскильдина 2021: 102). Нами записано аналогичное предание тех лет о подвигах батыра Кулеке, включившего ойратские аулы после гибели их вождя Шодосая (Шодомена) в свое родовое подразделение *беимбет* рода *атыгай*[1]. Другой путь предполагал плен и рабское существование побежденных конкурентов. Известно, что во время победоносного марша 1757-59 годов абак-кереев во главе с Кожаберген - батыром и кулан-кипчаков под предводительством Кошкарбай-батыра вверх по Иртышу, последний захватил в плен более 300 алтайцев, являвшихся ранее вассалами погибшего Джунгарского государства (Самаев 1991: 152). Зимой 1759 года кипчаки захватили в плен до полутора тысяч алтайцев и убили их вождей (Русско-джунгарские отношения 2006: 249). В числе захваченных племенами *уак* и *кипчак* и признанных Абылаем числились также десятки урянхайцев. Их освобождения добивалась сибирская военная администрация[2]. Султан Абылай в сентябре 1763 года признал свое бессилие перед самовластием батыров и советовал российским властям захватить вождей или знатных людей из племен *кипчак, уак* и *керей* для последующего обмена (Эпистолярное наследие 2014а: 309).

Со временем, оставшиеся в кочевой степи пленные и рабы интегрировались в родовую структуры или же составляли особую социальную группу толенгутов при ханах и султанах из числа чингизидов. Толенгуты находились вне родоплеменной структуры казахов и могли быть использованы для укрепления ханской власти. Ойратские батыры на службе Абылая были лично преданы своему сюзерены и даже замахивались ножом на могущественного и строптивого батыра Кулыбека, опиравшегося на мощь северных племен (Хафизова 2019: 127). Хан Абылай в последние годы своей жизни имел реальную социальную опору в лице тысячи семей толенгутов, преимущественно из числа ойратов и туркмен.

Следует сказать, что основная часть военных столкновений между казахами и северными ойратами происходила за обладание пастбищами вдоль речных и озерных систем Северного Казахстана и Западной Сибири, что обеспечивало стабильность кочевого хозяйства и военную мощь племенных объединений казахов и ойратов. Инициаторами и бенефициарами степных войн с обеих сторон были батыры и багатуры, повышавшие свою социальную значимость в качестве главных

защитников своих соплеменников и получавшие основную часть добычи в виде скота и рабов. Как правило, знатные казахские батыры этого времени были наиболее богатой частью общества.

Окончательный перелом в казахско-ойратских войнах произошел в 30-40-е годы XVIII века в связи с начавшимся упадком ойратского союза. Легкость интеграции побежденных иноэтнических групп объясняется близостью социальных ценностей тюркских и монгольских номадов, единственным барьером была религиозная принадлежность. Д. Кэстль в своих дневниках о путешествии к хану Абулхаиру в 1737 году отмечал интенсивность казахско- ойратских миксаций, ведших к усилению монголоидности в казахской среде (Кэстль 1998: 93). Но и до этого, многие знаковые персонажи казахской истории имели ойратские «корни» по материнской линии. К ним относятся великий Тауке-хан, последний казахский правитель Кенесары-хан, батыры Кабанбай и Малайсары. И Тауке-хан, и указанные батыры, несмотря на близкое родство с ойратами, были в числе яростных противников подчинения казахов Джунгарскому государству. В период гонений ойратов цинскими властями многие казахские владельцы с целью сохранить жизнь ойратским родственникам и толенгутам, объявляли их казахами, обращая их в ислам (Хафизова 2019: 125).

Исламская традиция кардинально отделяла казахов от северо-восточных соседей-ойратов и алтайцев. Однако казахский вариант ислама менее радикально, но отделял казахов от мусульманских тюрков Средней Азии и татар. Э. Геллнер выделял в исламе две традиции: универсальную, рациональную и пуританскую Великую традицию и локальную, мистическую и народную Малую традицию (Gellner 1981: 4-5). Возникновение культа святых в локальных вариантах ислама было порождено потребностью людей в эмоционально более насыщенной религии и требованиях социальной структуры традиционалистского общества (Gellner 1981: 56-57). Вариант ислама северных казахов относится к локальной традиции, вобравшей элементы доисламских культов – шаманизма и культа духов предков (*аруахов*). Локальный вариант ислама был порожден в суровых условиях непрерывных войн кочевых племен и постоянных конверсий не-мусульман, вследствие чего сложилась синкретическая традиция с почитанием святых воителей - батыров и взыванием к духам предков - *аруахам*. Образованная часть степных политий из числа преимущественно джучидской аристократии и племенной знати тяготела к традициям канонического ислама городских центров Средней Азии и идентифицировала себя в качестве мусульман, подозревала иноверцев в потенциальном предательстве. Батыр Жапек во время преследования волжских калмыков, прорывавшихся в 1771 году на территорию уничтоженного Джунгарского

государства, призывал хана Абылая не доверять и не щадить врагов, ибо «…Внешне они благочестивы, но внутренне греховны» (Бабалар сөзі 2010: 330).

Ислам среди северных казахов сочетался с исламизированным культом предков *аруахов*. К ним обращались с призывом в минуты смертельной опасности. Некоторые предки почитались как святые *аулие.* Одним из них считается батыр Кулсары, носивший *лакаб* (почетное прозвище) своего деда и основателя клана батыра Кудайберды. Культ батыров Жапека, Кулсары, Кулеке, Баяна и Жанатая в среде местных казахов устойчиво сохранялся в годы сталинизма, несмотря на периодические кампании по выкорчевыванию исторической памяти путем дискредитации героев прошлого. В 1952 году автор изданной книги об истории Петропавловска обвинял батыров Кулсары и Кулеке в шпионаже в пользу Российской империи, назвав первого «матерым шпионом» (Семенов 2010: 42-43). Но введенные в 1960-е годах документы говорят о скоординированной с Абылаем политике батыров, направленной на частичную дезинформацию российской власти относительно событий в кочевой среде. В рапорте и.о. сибирского губернатора К.Л. фон Фрауендорфа от 11 марта 1763 года указывалось, что попытки российских эмиссаров выяснить у султанов Абылая, Жолбарыса, Султанмамеда, батыров Кулсары и Кулеке информацию о конфликте хана Абулмамбета и султана Есима в Туркестане натолкнулись на дружное отрицание этого факта: «… ибо они … по своему бесстыдству отперлись» (КРО 1961: 649). Российские власти были прекрасно осведомлены об участии султана Абылая и указанных племенных вождей в примирении враждующих сторон (КРО 1961: 649). Несмотря на разоблачительские кампании партийных органов местные казахи в 1958 г. поставили *кулыптас* на могиле Кулсары и провели обряд поминовения *дуа*. Батыры Жапек и Кулеке по воле хана Абылая были перезахоронены в г. Туркестан в мавзолейном комплексе мусульманского святого Ахмеда Яссавийа. Батыр Кожаберген из рода *ашамайлы* племени *керей* почитается не только как воин и сказитель жырау, но и как глубокий знаток ислама. Трансформация ислама в казахской среде северных регионов происходила под влиянием социальной и политической гегемонии *торе* и батырства. Специфика локальной сакрализации в качестве мусульманских святых именно великих вождей и воинов отражала черты культурной традиции и исторической эпохи. Как правило, святые являются носителями не только местной истории, но и идентичности. Казахские *торе* и батыры считали себя мусульманами. Следует признать, глубокую включенность северных казахов в мир ислама.

Батыры и батырство в социальной жизни казахов

Батырство и батыры были неотъемлемой частью социальной и политической организации кочевых тюрко-монгольских народов в периоды их высшей

милитаризации, когда каждый свободный кочевник являлся воином. Основы социальной природы казахского батырства складывалась в условиях кризиса и распада Улуса Джучи в первой половине XV века. Наиболее полно формирование новых политических и социальных черт батырства отражен в героических эпосах казахов, ногайцев, каракалпаков, татар и узбеков. Эпические батыры по-прежнему являлись защитниками власти «природных» ханов, собственной страны и народа. Сами батыры уподоблялись волкам. Подобно этим хищникам, батыры в сказаниях заботились и защищали своих близких сородичей. Умбетей-жырау (конец XVII века - 1786 год) наделял легендарного современника Жанатай-батыра «пламенной душой волчьего вожака» (Бабалар сөзі 2010: 322). Попытки усиления ханской власти путем введения регулярного налогообложения и организации перекочевок воспринимались родоплеменной знатью как посягательство на права свободного народа. Сами казахские представители характеризовали казахов как «своевольный и необузданный народ» (Басин 1971: 183), «ханов и старшин никаво не слушают - люд вольной, что хотят, то и делают» (КРО 1961: 78). Абылай в письме к цинскому императору Цяньлуню в апреле 1760 года дал такую оценку своему народу: «Наши казахи свободны в своих речах и поступках. Хотя они похожи на [других] людей, однако [они] своенравны как дикие куланы» (Эпистолярное наследие 2014а: 301).

Батыры и мощь их племен реально ограничивали деспотизм и произвол ханской власти. По сообщению батыра Кулыбека, в 1778 году откочевка Абылая из Северного Казахстана была пресечена отрядом из аргынских родов атыгай, караул, каракесек, коксал и племени керей, возглавляемый батырами Байжигитом, Сейтеном (сын батыра Жапека), Бекбулатом (сын Казыбека-бия) и Кенжебаем, которые объявили ультиматум своему сюзерену: «Чтобы он, Аблай-хан возвратился и в прежнем состоянии находился; а ежели, то б тому нарочно посланному дал такой по обычаю ордынскому, знак, что он над теми киргисцами, кои остались при границах российских, не будет иметь никакой его власти…» (КРО 1964: 94).

Своеволие племенной знати и политической партикуляризм чингизидов могли использовать в своих целях внешние силы. В январе 1780 года командующий Сибирским корпусом Н. Г. Огарев предлагал расколоть силы своевольного хана Аблая, противопоставив верных российской власти племенных вождей во главе с батыром Кулыбеком: «…испытанных той Средней орды старшин с подвластным их народом склонить к отложению совсем от него, Аблая, и постановить им главнаго начальника другова, которой бы был ему всегда соперником. К чему в стороне Сибирской линии признаю я способным старшину Кулебаку-батыря, но только не далее как от Пещанаго редута до Омской крепости, которому весь отложившейся от него, Аблая, народ, ежели только возможно будет, подчинить в точную его власть и

учинить его сильным, штоб уже он против Аблая всегда был, и никаким ево советам не следовал, а наипаче старался утеснять его всякими образы» (Султаны и батыры 2019: 464). Вероятно, батыр Кулыбек не стал конфликтовать со своим сюзереном. Он был в числе узкого круга султанов и батыров обеспечивших легитимацию восхождения на ханство султана Вали после кончины в 1781 года хана Абылая (Эпистолярное наследие 2014а: 285).

Влияние батыров увеличивалось в годы войны. Батыры Среднего и Младшего жузов после тяжких поражений 1720-х годов от джунгаров вновь и вновь поднимали племена на войну. Батыр Богембай из рода табын покончил с пораженческими настроениями среди казахской элиты на курултае племен Младшего и части племен Среднего жузов 1710 года: «среди жаркого спора разорвал на себе одежду и, повергнув в круг совета меч свой, говорил в исступлении: «Отмстим врагам нашим, умрем с оружием, не будем слабыми зрителями разграбленных кочевок и плененных наших детей! Робели ли когда воины равнин кипчакских? Сия брада еще не украсилась сединой, как я багрил руки свои в крови неприятеля! Теперь могу ль равнодушно снесть тиранство от варваров? Еще нет недостатка в добрых конях! Еще не опустел колчан со стрелами острыми!» (Цит.по: Ерофеева 2007: 139-140). Вероятно, в культуре казахских кочевников значительное место занимала историческая память именно о «стране кипчаков». Не случайно в авангарде казахского наступления в Прииртышье в конце 1750-х годов находились кипчаки во главе с неистовым Кошкарбай-батыром, чье имя стало нарицательным и ассоциируется в преданиях алтайцев с массовыми погромами и убийствами: «Прежде теленгеты жили на Телецком озере, жили богато, всего у них было довольно, однако было горе — часто делал на их набеги киргизский (казахский — И. О.) батыр Кочкор-бай. С воинами своими врывался он к ним, со всех сторон закрытый щитами. Многих убивали они, многих уводили в плен» (Цит. по: Октябрьская 2011: 52). Вероятно, память о своей исторической родине в междуречье Иртыша и Оби устойчиво сохранялась в среде казахских кипчаков и была мотивом их непримиримой вражды с алтайскими народами, являющихся также потомками раннесредневековых кипчаков и куманов, но исповедовавшими шаманизм.

Северные батыры Абылая представляли все основные племенные союзы региона - аргынов, кипчаков, кереев и уаков. Наиболее многочисленную группу сподвижников составляли представители аргынского рода *атыгай*, составлявшие основу улуса Абылая. Знаменитый сказитель Шал-акын называет имена великих вождей своего рода - Жантели, Жапека, Тлеке, Кулеке и сподвижников из других патронимий - Баяна из племени *уак*, Канай - бия и Жолдыбая из аргынского рода *караул* (Бес ғасыр жырлайды 1989: 136) Российские власти особо выделяли

значимость персонажей батыров Кулсары, Кулеке и Кошкарбая, возглавлявших Северном Казахстане родоплеменные группы *атыгай* и *кулан-кипчак*. От взаимодействия с уважаемыми предводителями кочевников зависела стабильность на российских пограничных линиях. Сам Абылай в 1758 году в своем прошении на имя императрицы Елизаветы Петровны называл Кулсары-*аулие* и Кулеке: «Уважаемые йуртом (народом – авт.) мои лучшие люди» и «ордынскими попечителями» (Эпистолярное наследие 2014а: 296-297). Батыры Кулсары (1708-1776 годы) и Жапек (1710 - н.в.) были правнуками Кудайберды-батыра, его брат батыр Беимбет считается прапрадедом батыров Кулеке (1710-1771 годы) и его брата Тлеке (Атыгай шежіресі 2010: 282). Все четверо батыров прославились не только как свирепые воители – активные участники войн с джунгарскими и волжскими ойратами, башкирами и Цинской империей, но и как верные сподвижники Абылая и мудрые политики, стремившиеся наладить мирные и взаимовыгодные отношения с Российской империей и окончательно закрепить за своими сородичами богатые пастбищами и водой земли Приишимья.

По нашему мнению, старшее поколение ближайших сподвижников хана Абылая, включавшее биев Казыбека и Коная, батыров Богембая из рода *канжигалы*, Кожабергена из рода *абак-керей*, Малайсары, Баяна, Жапека, Кулсары и Кулеке сохраняло ему верность, так как выросло в условиях постоянных войн и угрозы со стороны Джунгарского государства. Хунтайджи Галдан-Церен в 1741 году сообщал российским властям о покорении трети казахов и непокорности большинства, не скрыв истребительной цели войны в отношении последних (Русско-джунгарские отношения 2006: 75). Не меньшие опасения вызывала Цинская империя, организовавшая геноцид восточных ойратов в 1755 году. В этих условиях авторитет и политическое доминирование сакрального рода казахских чингизидов Среднего жуза не оспаривалось батырством из простого народа. Сами казахские чингизиды прославились именно как батыры или бахадуры. По мнению С.Е. Толыбекова, хан был главным батыром и объем его власти зависел от воинских доблестей (Толыбеков 1971: 256). Как подобает настоящим героям, они выходили на поединки. Из истории казахских ханов нам известно о гибели великого хана Жангира Салкама в 1652 году в поединке с ойратским легендарным героем хошоутским Галдамой и поединке в 1741 году будущего хана Абылая с Чарышем-родственником хунтайджи Галдан-Церена. После гибели своего сородича великий джунгарский правитель не допустил расправы мстителей над попавшим в плен Абылаем и батыром Жапеком, ограничившись обменом пленных на сына Жапека, прославившегося среди ойратов под именем Сары-Казак (Валиханов 1984: 217-218). Влияние другой аристократической группы *кожа* из числа потомков мусульманских святых

практически не прослеживается в северных степях в указанный период, что объясняет слабую исламизированность местных кочевников и отсутствие призывов к «священной войне» с иноверцами. В милитаризованном обществе номадов святыми могли быть только прославленные и почитаемые воины из числа биев и батыров.

Сам Абылай особо выделял за храбрость и ум батыра Баяна (Валиханов 1984: 218). Баян-батыр родился на территории современной Северо-Казахстанской области и обрел славу в войнах с ойратами. Последний поход он совершил в 1771 году, присоединившись к объединенным силам казахов, преследовавших волжских калмыков во время их драматического перехода в Джунгарию. Согласно легенде он призывал не доверять ойратским послам и преследовал калмыков до китайской границы. Во время возвращения он и его воины напились воды, отравленной трупным ядом, и скончались (Валиханов 1984: 222). Память о гибели батыра и его брата Сары сохранилась в народной памяти как воображенная легенда о любви героя к юной калмыцкой красавице и предательстве младшего брата. Этот сюжет был использован поэтом Магжаном Жумабаевым для написания в 1921 году поэмы «Баян-батыр».

Батыра Кожабергена сына Жанибека из рода абак-керей неправомерно отождествляют с Кожабергеном-жырау Толеубайулы из рода ашамайлы-керей (Абжанов 2013: 52-55). Вероятно, в середине XVIII века сподвижником Абылая был Кожаберген Жанибекулы, родившийся в Сары-Арке на территории современной Акмолинской области. О личности же легендарного Кожабергена-жырау практически нет упоминаний в документальных источниках. Известно, что военными вождями рода *ашамайлы-керей* в феврале 1758 года, согласно китайским источникам на маньчжурском языке, были батыры Турсынбай (10000 семей) и Мазаркелды (2000 семей) (Еженханұлы 2017: 47-50). Кожаберген Жанибекулы совместно с Амурсаной возглавлял авангард казахско-ойратского войска в войне 1756-1757 годов с Цинской империей и после поражений от маньчжуров заключил с ними мирное соглашение. Батыр добился умелыми дипломатическими маневрами с Цинской империй закрепления казахов в Тарбагатае (Oralova, Kara 2023: 54-55). Кожаберген Жанибекулы и найман Кара-Барак упоминаются цинскими чиновниками как самые влиятельные вожди среди казахов после Абылая (Еженханұлы 2017: 9).

В исторической памяти их потомков сохранились идеализированные образы предков, вобравших черты мусульманских святых и воителей. Северные казахи чтили места захоронения легендарных пращуров и не позволяли распахивать святые места даже в годы освоения целины в 1950-е годы. Так удалось сохранить захоронения семи батыров из родов *атыгай* и *караул* вблизи сел Жанажол и Булак. В

постсоветском Казахстане произошел всплеск интереса к истории батыров и батырства XVII-XVIII веков. Под патронажем официальных органов власти финансируются научные конференции и исследования вокруг знаковых фигур истории казахского народа.

Заключение

Социальный феномен казахского батырства в Северном Казахстане непосредственно связан с окружающей природно-географической и этнической средами данного региона и исходящими вызовами со стороны иноэтнических соседей и конкурентов. Ожесточенная и длительная война за обладание богатыми пастбищными угодьями лесостепных и степных районов края с ойратами и башкирами породила специфическую культуру воинов – защитников интересов своего народа и племени. В условиях перманентной политической сегментации батыры фактически возглавили вооруженный народ и компенсировали ослабление центральной ханской власти. Батыры из простого народа превратились в главную опору харизматических ханов и султанов из числа чингизидов, консолидировав казахские племена и родовые группы. В значительной степени скоординированная ведущими батырами стратегия способствовала закреплению казахов в северном крае и обеспечила доминирование этнических начал над религиозными и племенными идентичностями. Собственно идея общеэтнической солидарности *казакшилик* была «продуктом» казахской военной и политической элиты в лице чингизидов и батыров.

Историческая судьба казахского батырства, как и путь самураев или европейских рыцарей, завершилась с проникновением идеологии богатства и меркантилизма, став основой для романтизации и идеализации прошлого. Деяния батыров – сподвижников Абылая из Северного Казахстана сохранились в исторической памяти их потомков и повлияли на особенности этнической идентификации и самопрезентации современных местных казахов, связанными с культурой и традициями казахского варианта ислама. Российская колониальная политика и советская практика нациестроительства в дальнейшем только усилила тенденцию этнической консолидации северных казахов, обращавшихся в поисках национальной идентичности к деяниям своих реальных или воображенных общих предков - батыров. В настоящее время в рамках многочисленных программ национального возрождения в Северо-Казахстанской области переименовываются улицы и населенные пункты в честь героев прошлого, устанавливаются памятники и строятся мазары батырам, в числе которых Баян, Жанатай, Кулсары, Кожаберген-жырау, Кожаберген Жанибекулы.

[1] Сохранившиеся в народной памяти и зафиксированные в топонимах имена вождей враждебных племен (Баганаты, Кегерен, Сары-Булак, Шодомен или Шодосай) явно западно-монгольского или ойратского происхождения. Топоним Кегерен (местные казахи называли станицу Новоникольское) происходит от западномонгольского титула *гегэгээен* («светлейший»), которым называли духовных князей. Согласно легенде, ойратский князь пал в поединке с вождем рода атыгай батыром Кудайберды.

[2] Как правило, российские власти требовали выдачи пленных из числа своих подданных - волжских калмыков, ставропольских туркмен, башкир, алтайцев, беглых русских солдат. Представители народов Средней Азии, персы, джунгарские ойраты не могли рассчитывать на такую помощь. Нередко беглецы из казахских кочевий возвращались своим хозяевам. Так, в августе 1760 г. по приказу командующего войсками на Сибирских линиях генерал-майора И. фон Веймарна были возращены Кулсары - батыру его родная племянница, сбежавшая вместе с кыргызом и двумя ойратами [Султаны и батыры 2019: 125-126].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абжанов Х. Кожаберген жырау и историческая мысль // Мысль. - 2013. № 4. С. 52-55.
2. Атығай шежіресі. / Құраст. С. Жұмабаев, Қ. Құдайбергенов, Ә. Ғалеев (Родословная рода атыгай / сост.: С. Жумабаев, К. Кудайбергенов, А. Галеев). Петропавловск: Асыл мұра, 2010. 510 б.
3. Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т. 60: Тарихи жырлар [Слова предков: В 100 томах. Т.60. Исторические песни]. Астана: Фолиант, 2010. 448 б.
4. Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI - XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 274 с.
5. Бес ғасыр жырлайды. 1 том. Құраст. М. Байділдаев, М. Мағауин (Песенная поэзия пяти веков. Т. 1/сост. М. Байдильдаев, М. Магауин). Алматы: Жазушы, 1989. 384 б.
6. Валиханов Ч.Ч. Исторические предания о батырах XVIII века // Собр. соч. в пяти томах. Т.1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 216-222.
7. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата: Изд-во Наука АН КазССР, 1968. 256 с.
8. Еженханұлы Б. Қожаберген батыр (1756-1767 жылдарда қалыптасқан мәнжу-қытай мұрағат құжаттары негізінде) (Кожаберген батыр (на основе маньчжуро-китайских архивных документов 1756-1767 гг.)). Алматы: Арыс, 2017. 496 б.

9. Ерофеева И.В. Знаковый персонаж казахских преданий Алаша-хан: историческая личность и миф // Тюркологический сборник. М.: Наука, 2016. С.256-292.
10. Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время). Алматы: Аркаим, 2001. 157 с.
11. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
12. История Казахстана в русских источниках XVI - XX веков. В 10 тт. Т. 3 / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
13. История Казахстана: народы и культуры. Отв. ред. Масанов Н. Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.
14. Казахско-русские отношения в XVI - XVIII веках: сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 743 с.
15. Казахско-русские отношения в XVIII - XIX вв. (1771-1867 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1964. 573 с.
16. Курманбаев Е. Очерки фальсификации казахской истории. [электронный ресурс] // URL:https://pavon.kz/post/view/18731?reply=158555 (дата обращения: 23.07.2026).
17. Кэстль Д. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды. / пер. с нем. В. Штаркенберга. Алматы: Жибек жолы, 1998. 152 с.
18. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: 1951. 451 с.
19. Малолетко А.М. Древние народы Сибири: этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. Томск: Изд-во Томского университета, 2004. 292 с.
20. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Т.11. Омск: Тип. Штаба Сиб. воен. Округа, 1902. 359 с.
21. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII - XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
22. Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Петропавловский уезд. Т. 3. Повторное исследование 1908 года. СПб: Переселенч. упр. Г.У.З. и З., 1910. 397 с.
23. Октябрьская И.В. Самосознание тюрков Саяно-Алтая: этническая история сквозь призму фольклора // Уральский исторический вестник. 2011. №2 (31). С. 50-56.
24. Oralova A., Kara Ә. Қожаберген батыр Жәнібекұлының халықаралық катынастар тоғысындағы тұлғалық келбеті (XVIII ғасырдың 2-ші жартысы) (Личность Кожаберген-батыра Жанибекулы в контексте международных отношений (2-я половина XVIII в.)) // Отан тарихы. 2023. № 1 (26). С. 43 - 57.

25. Русско-джунгарские отношения (конец XVII - 60-е гг. XVIII вв.), Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.
26. Рыскильдин А.Х., Рыскильдина Д.У. Шежире рода естек по генонимии и транзиту этничности иштяк/естек в казахском обществе XVIII - XIX вв. // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 1(46). С. 98-104.
27. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII - первой половине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1991. 256 с.
28. Семенов А.И. Петропавловск за двести лет (1752-1952 гг.). исторический очерк. Петропавловск: Северный Казахстан, 2010. 196 с.
29. Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.): сборник документов / сост. В. А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2018. 560 с.
30. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV - XVII вв. Вопросы эт¬нической и социальной истории. М.: Наука, 1982. 134 с.
31. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971. 635 с.
32. Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII - XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.
33. Тулепбергенов Г.М. Этнополитические связи казахов и башкир в эпоху правления Абылай хана // Проблемы востоковедения. 2014. № 1 (63). С. 34-37.
34. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс. 2002. 604 с.
35. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М: АСТ: ЛЮКС, 2005. 557 с.
36. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т.1 / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Абди-Компани, 2014. 696 с.
37. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т.2 / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Абди-Компани, 2014. 1032 с.
38. Gellner E. Muslim Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. Pp. 267.
39. Gil-White F.J. Are ethnic groups biological "species" to the human brain? Essentialism in our cognition of some social categories // Current Anthropology, 2001. № 4(42). Pp. 515–554.

REFERENCES:

1. Abzhanov Kh. Kozhabergen zhyrau i istoricheskaya mysl // Mysl. - 2013. № 4. S. 52-55.
2. Atyghay shezhiresi. / Qurast. S. Zhumabaev, Q. Qudaybergenov, A. Ghaleev (Rodoslovnaya roda atygay / sost.: S. Zhumabaev, K. Kudaybergenov, A. Galeev). Petropavlovsk: Asyl mura, 2010. 510 b.

3. Babalar sozi: Zhuztomdyq. T. 60: Tarikhi zhyrlar [Slova predkov: V 100 tomakh. T.60. Istoricheskie pesni]. Astana: Foliant, 2010. 448 b.
4. Basin V.Ya. Rossiya i Kazakhskie khanstva v XVI - XVIII vv. Alma-Ata: Nauka, 1971. 274 s.
5. Bes ghasyr zhyrlaydy. 1 tom. Qurast. M. Baydildaev, M. Maghauin (Pesennaya poeziya pyati vekov. T. 1/sost. M. Baydildaev, M. Magauin). Almaty: Zhazushy, 1989. 384 b.
6. Valikhanov Ch.Ch. Istoricheskie predaniya o batyrakh XVIII veka // Sobr. soch. v pyati tomakh. T.1. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii, 1984. S. 216-222.
7. Vostrov V.V., Mukanov M.S. Rodoplemennoy sostav i rasselenie kazakhov. Alma-Ata: Izd-vo Nauka AN KazSSR, 1968. 256 s.
8. Ezhenkhanuly B. Qozhabergen batyr (1756-1767 zhyldarda qalyptasqan manzhu-qytay muraghat quzhattary negizinde) (Kozhabergen batyr (na osnove manchzhuro-kitayskikh arkhivnykh dokumentov 1756-1767 gg.)). Almaty: Arys, 2017. 496 b.
9. Erofeeva I.V. Znakovyy personazh kazakhskikh predaniy Alasha-khan: istoricheskaya lichnost i mif // Tyurkologicheskiy sbornik. M.: Nauka, 2016. S.256-292.
10. Erofeeva I.V. Simvoly kazakhskoy gosudarstvennosti (pozdnee srednevekove i novoe vremya). Almaty: Arkaim, 2001. 157 s.
11. Erofeeva I.V. Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel, politik. Almaty: Dayk-Press, 2007. 456 s.
12. Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI - XX vekov. V 10 tt. T. 3 / sost. I. V. Erofeeva. Almaty: Dayk-Press, 2005. 484 s.
13. Istoriya Kazakhstana: narody i kultury. Otv. red. Masanov N. E. i dr. Almaty: Dayk-Press, 2000. 608 s.
14. Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI - XVIII vekakh: sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1961. 743 s.
15. Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII - XIX vv. (1771-1867 gg.). Sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata: Izdatelstvo Akademii nauk Kazakhskoy SSR, 1964. 573 s.
16. Kurmanbaev E. Ocherki falsifikatsii kazakhskoy istorii. [elektronnyy resurs] // URL:https://pavon.kz/post/view/18731?reply=158555 (data obrascheniya: 23.07.2026).
17. Kestl D. Dnevnik puteshestviya v godu 1736-m iz Orenburga k Abulkhairu, khanu Kirgiz-Kaysatskoy Ordy. / per. s nem. V. Shtarkenberga. Almaty: Zhibek zholy, 1998. 152 s.
18. Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoy pismennosti. Teksty i issledovaniya. M.-L.: 1951. 451 s.
19. Maloletko A.M. Drevnie narody Sibiri: etnicheskiy sostav po dannym toponimiki. T. 3. Dokaganatskie tyurki. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2004. 292 s.

20. Materialy po kirgizskomu zemlepolzovaniyu, sobrannye i razrabotannye Ekspeditsiey po issledovaniyu stepnykh oblastey. Akmolinskaya oblast. Omskiy uezd. T.11. Omsk: Tip. Shtaba Sib. voen. Okruga, 1902. 359 s.
21. Moiseev V.A. Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII - XVIII vv.). Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 s.
22. Kirgizskoe khozyaystvo v Akmolinskoy oblasti. Petropavlovskiy uezd. T. 3. Povtornoe issledovanie 1908 goda. SPb: Pereselench. upr. G.U.Z. i Z., 1910. 397 s.
23. Oktyabrskaya I.V. Samosoznanie tyurkov Sayano-Altaya: etnicheskaya istoriya skvoz prizmu folklora // Uralskiy istoricheskiy vestnik. 2011. №2 (31). S. 50-56.
24. Oralova A., Kara A. Qozhabergen batyr Zhanibekulynyng khalyqaralyq katynastar toghysyndaghy tulghalyq kelbeti (XVIII ghasyrdyng 2-shi zhartysy) (Lichnost Kozhabergen-batyra Zhanibekuly v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy (2-ya polovina XVIII v.)) // Otan tarikhy. 2023. № 1 (26). S. 43 - 57.
25. Russko-dzhungarskie otnosheniya (konets XVII - 60-e gg. XVIII vv.), Dokumenty i izvlecheniya. Barnaul: Azbuka, 2006. 360 s.
26. Ryskildin A.Kh., Ryskildina D.U. Shezhire roda estek po genonimii i tranzitu etnichnosti ishtyak/estek v kazakhskom obschestve XVIII - XIX vv. // Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 1(46). S. 98-104.
27. Samaev G.P. Gornyy Altay v XVII - pervoy polovine XIX v.: problemy politicheskoy istorii i prisoedineniya k Rossii. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otdelenie Altayskogo knizhnogo izdatelstva, 1991. 256 s.
28. Semenov A.I. Petropavlovsk za dvesti let (1752-1952 gg.). istoricheskiy ocherk. Petropavlovsk: Severnyy Kazakhstan, 2010. 196 s.
29. Sultany i batyry Srednego zhuza (vtoraya polovina XVIII v.): sbornik dokumentov / sost. V. A. Sirik. Almaty: Litera-M, 2018. 560 s.
30. Sultanov T.I. Kochevye plemena Priaralya v XV - XVII vv. Voprosy et¬nicheskoy i sotsialnoy istorii. M.: Nauka, 1982. 134 s.
31. Tolybekov S.E. Kochevoe obschestvo kazakhov v XVII - nachale XX veka. Politiko-ekonomicheskiy analiz. Alma-Ata: Nauka, 1971. 635 s.
32. Khafizova K.Sh. Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII - XIX vekakh. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 2019. 480 s.
33. Tulepbergenov G.M. Etnopoliticheskie svyazi kazakhov i bashkir v epokhu pravleniya Abylay khana // Problemy vostokovedeniya. 2014. № 1 (63). S. 34-37.
34. Khazanov A.M. Kochevniki i vneshniy mir. Almaty: Dayk-Press. 2002. 604 s.
35. Khrapachevskiy R.P. Voennaya derzhava Chingiskhana. M: ACT: LYuKS, 2005. 557 s.
36. Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyaschey elity 1675-1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh. T.1 / sost. I. V. Erofeeva. Almaty: Abdi-

Kompani, 2014. 696 s.

37. Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyaschey elity 1675-1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh. T.2 / sost. I. V. Erofeeva. Almaty: Abdi-Kompani, 2014. 1032 s.
38. Gellner E. Muslim Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. Pp. 267.
39. Gil-White F.J. Are ethnic groups biological "species" to the human brain? Essentialism in our cognition of some social categories // Current Anthropology, 2001. № 4(42). Pp. 515–554.